

Тифлисъ.

Въ началѣ декабря я пріѣхалъ въ Тифлисъ. Городъ еще не успѣлъ успокоиться отъ волненія: проѣздомъ въ Карсъ здѣсь на четыре дня останавливался Государь, и улицы все еще были украшены флагами, зеленью и цвѣтами.

Со времени выступленія Турціи въ рядахъ нашихъ враговъ война для Кавказа стала особенно близкой: борьба съ турками! Тѣмъ болѣе для армянъ. Но въ тревогѣ воинственнаго одушевленія обострились и всѣ давнишнія болѣзни этой окраины, болѣзни національной борьбы: армяне, грузины, татары, курды..

Борьба съ Турціей выгодно выдвигала интересы народности армянской: удачная война давала бы свободу Турецкой Арменіи. А вокругъ армянъ закипало глухое раздраженіе національнаго соревнованія и соперничества... Въ тѣ дни Тифлисъ представлялъ изъ себя кипящій водоворотъ національныхъ раздраженій. Правда, это не мѣшало общественной работѣ въ тылу кавказской арміи; дѣло развивалось широко и шло дружно. Въ вѣдѣнни члена городской управы, князя А. М. Аргутинскаго-Долгорукова, находились госпитали

Тифлиса, всего на 12 съ лишнимъ тысячъ мѣствъ. При его любезномъ содѣйствіи я осматривалъ нѣкоторыя изъ этихъ учреждений. Шла также спѣшная работа по оборудованію санитарныхъ подвижныхъ отрядовъ. Въ направленіи Сарыкамышъ—Хорасанъ, была разбросана по путямъ войскъ сѣтъ чайныхъ, питательныхъ пунктовъ и грѣлокъ.

Въ тѣ дни въ Тифлисѣ жилъ русскій консулъ въ Маку, С. П. Олферьевъ. Его рассказы о Макинскомъ ханствѣ были интересны. Долина Макинскаго ханства представляетъ изъ себя самый удобный путь изъ Турецкой Арменіи въ наше Закавказье. Турки и нѣмцы очень на этотъ путь въ началѣ войны рассчитывали, и возбуждали противъ Россіи макинскихъ курдовъ. Но ошиблись: до сихъ поръ Макинское ханство осталось спокойно.

Черезъ С. П. Олферьева познакомился я съ двумя лицами, это курдъ Кямилъ-бей и азербейджанскій татаринъ, Али-ханъ Макинскій. Каждый изъ нихъ примѣчательнъ въ своемъ родѣ.

Сынъ когда-то независимаго курдскаго правителя Бадыръ-хана, Кямилъ-бей, человекъ среднихъ лѣтъ, европеецъ по образованію и внѣшности, говоритъ увлекательно и пламенно. Кромѣ родного, знаетъ французскій арабскій, турецкій языки. На первыхъ двухъ и шель у насъ разговоръ.

До турецкой конституціи онъ, въ числѣ другихъ курдовъ, издавалъ въ Женевѣ журналъ „Курдистанъ“, гдѣ обсуждались вопросы курдскаго освобожденія изъ-подъ турецкаго ига. Абдуль-Гамидъ заключилъ его въ крѣпость на о. Родосѣ, гдѣ онъ прожилъ 2 года 9 мѣсяцевъ. Турецкій переворотъ далъ Кямилу свободу. Весной

1914 года въ курдскихъ вилайетахъ вспыхнуло революціонное противъ Турціи возстаніе. Турки повѣсили въ Битлисѣ много вождей, среди нихъ Муллу-Салима, Схватили и Кямиль-бея. Но алеппскій и бейрутскій русскіе генеральные консулы, а затѣмъ русское посольство въ Константинополѣ содѣйствовали его освобожденію. Онъ хитеръ, ловокъ, онъ не скрываетъ только одного—своей ненависти къ армянамъ.

„Наша страна находится среди трехъ державъ: Персія, Турція и Россія,—говорилъ Кямиль-бей.—Отъ кого же изъ трехъ ждать намъ свободы и культуры? Неужели какой-нибудь изъ турецкихъ народовъ повѣрилъ въ турецкую конституцію? И что можетъ сдѣлать слабѣющая Персія?“

„Только на недоразумѣніи основано многое неясное, что есть въ отношеніяхъ русской власти къ курдамъ и ихъ руководителямъ. Русская дипломатія здѣсь это понимаетъ. Надо, чтобы то же поняла и русская администрація“.

„Побѣдоносная война Россіи съ Турціей неизбежно должна поставить на очередь вмѣстѣ съ армянскимъ и курдскій вопросъ. Если армянъ въ шести турецкихъ вилайетахъ, допустимъ, милліонъ, пусть даже полтора, то курдовъ въ нѣсколько разъ больше.“

„Я совсѣмъ не фанатикъ-мусульманинъ, я только люблю свой народъ. Масса курдскаго народа по культурѣ не ниже массы армянской. Это—честные, трудолюбивые земледѣльцы; многія столѣтія, даже тысячелѣтія они жили съ армянами мирно. Только Абдуль-Гамидъ сумѣлъ натравить однихъ на другихъ и запугать мусульманъ Россіей. И нужно принять всѣ мѣры къ тому, чтобы эти страхи разсѣялись. Болѣе вѣрныхъ и

искреннихъ друзей, какими будемъ мы, Россіи не найти.

„Въ Турціи мы переплетены съ армянами, и разжевать насъ чрезвычайно трудно. Я говорилъ всегда армянамъ:— „наша общая ближайшая цѣль—сбросить иго турокъ и работать совмѣстно съ Россіей. Не будемъ тратить силъ на другое. Устроить же насъ могутъ только державы тройственнаго согласія“.

Онъ переводитъ съ турецкаго свое недавнее воззваніе къ курдскому народу, разосланное во множествѣ экземпляровъ. Въ немъ—призывъ къ курдамъ. Основныя мысли:

Не ошибайтесь въ русскихъ войскахъ, они несутъ вамъ спасеніе отъ деспотіи турокъ.

Ваши имущество, жены, дѣти, жизнь будетъ въ безопасности, ваши мечети, священныя мѣста, ваша религія будутъ уважаемы.

Не слушайте младотурецкаго правительства. Цѣль его—раздѣлить и властвовать.

Не дѣлайте зла не-мусульманамъ.

Позоръ вамъ—служить деспотическому правительству! Если такъ будетъ продолжаться,—нація курдовъ погибнетъ.

Заканчивая переводъ посланія, онъ взволнованъ. Показываетъ фотографію своей семьи: жена черкешенка, трое дѣтей.

„Они въ Константинополѣ, и не знаю теперь, что съ ними будетъ“.

Разставаясь съ нимъ, я думаю о томъ, что кровавое кипѣніе народовъ въ котлѣ исторіи будетъ безконечно.

Азербейджанскій татаринъ, Али-ханъ-Макинскій изъ Эривани, фигура въ иномъ родѣ... Я встрѣтился съ нимъ въ одномъ изъ тифлисскихъ отелей. Павстрѣчу

мнѣ поднялся грузный великанъ, съ лицомъ цвѣта старой бронзы, глаза и губы огромныя. И все лицо выпукло-сластоустрасное и жестокое, незабываемое лицо. Онъ медлителенъ и важенъ, но въ глазахъ неувѣренность и робость: какъ бы не сказать лишняго слова. Отдаетъ суетливымъ дружинникамъ распоряженія. При мнѣ разводящій смѣняетъ часового, стоявшаго въ комнатѣ съ пашкой наголо. „Разъ, два!“ Одинъ сошелъ съ мѣста, другой всталъ на мѣсто у изголовья кровати и вскинулъ на плечо обнаженную шапку. Уходящій долго не можетъ поцастъ концомъ сабли въ ножны. Разводящій ткнулъ его рукой подъ мышку, вытолкнулъ за дверь. Совсѣмъ ханскій дворець въ тифлисской гостиницѣ!

Али-ханъ Макинскій до послѣднихъ дней служилъ въ макинскомъ консульствѣ и проводилъ въ макинскомъ ханствѣ дороги. Теперь онъ формируетъ конный отрядъ мусульманъ для войны съ Турціей.

„Когда русскіе завоевали Эриванскую губернію, праѣдъ мой Ахмедъ-ханъ Макинскій состоялъ начальникомъ персидскаго отряда — говоритъ Али-ханъ, вспоминая исторію. — Онъ сражался противъ Россіи...

Но этотъ поступокъ праѣда представляется Али-хану неприличнымъ, онъ поясняетъ:

„Но онъ и тогда, когда сражался, оказывалъ содѣйствіе русскимъ... Потомъ онъ принялъ подданство русское, его произвели изъ персидскаго въ русскій чинъ, сдѣлали майоромъ. Это даетъ нашему роду право потомственнаго дворянства, и съ того времени мы вѣрно служимъ царю и отечеству противъ нашихъ враговъ-турокъ...“

„Когда началась съ Турціей война, я подумалъ:

надо мнѣ воевать... Отрядъ мой уже сформированъ, командуешь имъ я, Али-ханъ Макинскій. Черезъ нѣсколько дней я выѣзжаю отсюда въ Баязетъ, а тамъ—куда пошлютъ. Будемъ воевать противъ нашихъ враговъ турокъ“.

Склонивъ головы, стоятъ у стѣны чины его охраны, почтительно подходить съ докладомъ адъютантъ. Подъ зеркаломъ на гвоздѣ виситъ „Приказъ на 6-е декабря“. Али-ханъ Макинскій умѣетъ обставить все вокругъ себя торжественно. Съ низшими онъ крутъ, у высшихъ цѣлуетъ руку. Это покажется страннымъ тому, кто не знаетъ Востока.

Въ Тифлисѣ же встрѣтилъ я трехъ дѣвушекъ, ушедшихъ изъ дому добровольцами въ армию. Впервые я увидѣлъ ихъ на лѣстницѣ гостиницы „Оріентъ“. Сидятъ три солдата въ сѣрыхъ казачьихъ шапкахъ, съ нѣжными дѣвическими лицами. Передъ ними стоятъ смущенные офицеры, не знаютъ, какъ себя держать. Разспрашиваютъ, — откуда, почему онѣ въ солдатской формѣ, куда собираются ѣхать? И дѣвушки смущены. Имъ трудно говорить о томъ, что вотъ былъ у нихъ такой порывъ, когда онѣ рѣшили идти на войну рядовыми, защищать отечество. Если сказать объ этомъ сразу первому встрѣчному, то кажется смѣшнымъ, невѣроятнымъ и фальшивымъ: что могутъ онѣ, три одинокихъ молодыхъ дѣвушки?! Пошли искать приключеній!..

Вотъ почему онѣ мучительно краснѣютъ, когда говорятъ: „... Пошли, чтобы защищать отечество“...

Когда онѣ мечтали о геройскихъ подвигахъ, можетъ быть, о смерти въ бою, выходило все просто и скоро. Одѣлись въ солдатскія шинели, взяли винтовки, рину-

лись въ бой. Рана, несутъ на носилкахъ... Кто это, кто? Это доброволецъ, дѣвушка такая-то. Она спасла знамя... сотни жизней... цѣлый полкъ, она ранена смертельно... За нѣсколько минутъ до смерти приходитъ генераль... главнокомандующій... Государь! Это вы, молодая, красивая дѣвушка, спасли знамя?

На дѣлѣ -вокругъ нихъ возникаетъ прежде всего смущеніе, недовѣріе, опасеніе... Въ этомъ мучительномъ настроеніи онѣ живутъ уже второй мѣсяць.

Мы познакомились. Вотъ онѣ сидятъ за чайнымъ столомъ, стриженные мальчики съ дѣвическими лицами, въ солдатскихъ блузахъ цвѣта хаки, въ грубыхъ солдатскихъ сапогахъ и, перебывая другъ друга, рассказываютъ исторію своей борьбы.

Онѣ все изъ Екатеринослава, жили своимъ трудомъ, бросили работу и службу и 29 октября уѣхали на Кавказъ.

Елена М., 21 года; отецъ, мать — старики; младшій братъ, 13 лѣтъ, доброволецъ на нѣмецкомъ фронтѣ на войнѣ, заслужилъ ефрейтора. Передъ отъѣздомъ она шила въ земствѣ для раненыхъ бѣлье, заработала 13 руб. 65 коп., съ этими деньгами и уѣхала. Хотѣла поступить сестрой милосердія, не приняли. Долго думала, какъ ей пробраться на войну. Познакомилась съ другой дѣвушкой, которая мечтала о томъ же. Это Вѣра Ш.

Вѣра Ш., 20 лѣтъ, чешка, австрійская подданная, теперь, вѣроятно, вмѣстѣ съ отцомъ и сестрами уже принята въ русское подданство. Блондинка, тонкія черты лица, похожа на нѣмку. Вмѣстѣ съ Еленой М. прочитала въ газетахъ, что принята солдатомъ жена рядового, и съ той минуты рѣшила поступить въ солдаты.

Анастасія Ф., 20 лѣтъ. Не понавъ въ сестры мило сердця, она еще въ августѣ мѣсяцѣ написала мѣстному воинскому начальнику горячее письмо, убѣждала принять ее въ солдаты. Почему же женщины не могутъ носить оружіе, хотя бы тысячная часть, кои желаютъ?!. Писала цѣлый вечеръ, волновалась, утромъ отнесла, передала черезъ писаря. Когда познакомилась съ М. и Ш., рѣшила бѣжать вмѣстѣ съ ними. Заняла 50 рублей, оставила службу въ казенномъ учрежденіи,—и всѣ онѣ уѣхали въ Тифлисъ.

Въ военномъ начальствѣ почти всюду онѣ встрѣчали бережное отношеніе, даже получили изъ тифлискаго склада солдатскую одежду, а свою женскую продали отъ нужды. Но неоднократно подвергались арестамъ и обидамъ отъ полиціи и жандармовъ. Освобождало военное начальство. Однако, ни одинъ генераль не рѣшился взять ихъ въ свою часть.

— Ну, куда я пошлю васъ?! — говорилъ генераль О.— Не могу я послать васъ, трехъ красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ, въ мужскую среду. Это невозможно!..

Пробовали поступить въ добровольческія дружины, не принимаютъ.

Трудно понять, какъ онѣ выдержали, все еще стоять на своемъ, надѣются добиться. Можетъ быть, только потому, что ихъ трое.

— Мы ужъ вездѣ втроемъ, никуда врозь не ходимъ!

И, дѣйствительно, онѣ всегда вмѣстѣ, на улицѣ, у начальства, на обѣдѣ въ штабѣ, въ гостяхъ.

Впрочемъ, онѣ теперь уменьшили свои надежды: хоть бы въ санитары попасть на передовыя позиціи.

— Ахъ, ужъ и не говорите! Военная форма молодить насъ. Всѣ думаютъ, что мы совсѣмъ дѣти...